

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.045-057

А. А. Шмидт*

Правовые основы государственной политики в отношении оружия самообороны: в поисках баланса публичных и частных интересов

Аннотация. Дискуссии о праве граждан на ношение короткоствольного оружия, в том числе огнестрельного оружия ограниченного поражения, больше 30 лет, ее содержание выходит далеко за пределы собственно административного права, т.к. она не ограничивается административно-правовым механизмом реализации порядка приобретения, ношения и использования оружия, выступая частью публично-правового механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства. Актуальность вопросов оборота гражданского оружия возрастает при осложнении криминогенной обстановки и в периоды социальных или экономических потрясений, определяющих выбор траектории государственной политики в сфере оборота оружия как сфере публично-правовых отношений. Доводы сторонников и противников использования огнестрельного оружия для целей самообороны, как правило, сопровождаются аргументацией, основанной скорее на вере и убеждениях, чем на фактах и измерениях.

Цель исследования — обобщить правовой и эмпирический материал, характеризующий административно-правовые основы государственной политики в отношении летального и нелетального оружия самообороны; дать оценку отечественных законодательных решений и определить направления дальнейшего административно-правового развития государственной политики в сфере оборота оружия, целесообразности использования короткоствольного оружия, в том числе огнестрельного оружия ограниченного поражения, в качестве оружия самообороны.

Междисциплинарный подход в исследовании позволил объединить результаты правовых и других гуманитарных исследований. В частности, воедино сведены достижения отраслевых юридических наук: административного права, теории и истории права, криминологии и криминалистики, социологии права.

В заключение приведены результаты теоретического исследования с учетом исторического, деликтологического и социологического контекста проблемы. Обоснована необходимость изменения правовых основ государственной политики в сфере оборота оружия самообороны, даны соответствующие предложения.

Ключевые слова: оружие; оборот оружия; государственная политика; общественный порядок; общественная безопасность; огнестрельные ранения; убийство; суицид; реализация права; ограничение права; преступность.

© Шмидт А. А., 2024

* Шмидт Артем Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Судебная и правоохранительная деятельность» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета)

В. И. Ленина просп., д. 76, г. Челябинск, Россия, 454080
artem-shmidt@yandex.ru

Для цитирования: Шмидт А. А. Правовые основы государственной политики в отношении оружия самообороны: в поисках баланса публичных и частных интересов // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 45–57. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.045-057.

Legal Foundations of State Policy on Self-Defense Weapons: In Quest of a Balance between Public and Private Interests

Artem A. Shmidt, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Judicial and Law Enforcement Activities, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
artem-shmidt@yandex.ru

Abstract. The debate on the right of citizens to carry short-barreled weapons, including firearms of limited destruction, has been going on for more than 30 years. The essence of these debates goes far beyond the limits of administrative law, since it is not limited only by the administrative law mechanism for implementing the procedure for acquiring, carrying and using weapons, acting as part of the public legal mechanism for ensuring personal security, security of the society and the State. The relevance of the issues of civilian arms trafficking is aggravated by the complication of the criminal situation during periods of social or economic upheavals that determine the choice of the trajectory of development of state policy for arms trafficking as an area of public law relations. The arguments of supporters and opponents of the use of firearms for self-defense are usually accompanied by arguments based on faith and beliefs rather than on facts and measurements.

The purpose of the study is to summarize the legal and empirical resources characterizing administrative law foundations of state policy in relation to lethal and non-lethal self-defense weapons; to assess domestic legislative decisions and determine the directions for further administrative law development of state policy regarding arms trafficking, the expediency of using short-barreled weapons, including firearms of limited destruction, as self-defense weapons.

The interdisciplinary approach made it possible to combine the results of legal and other humanitarian studies. In particular, the achievements of branches of legal sciences of Russian law are brought together: administrative law, theory and history of law, criminology and criminal studies, sociology of law.

In conclusion, the paper provides the results of a theoretical study with due regard to the historical, delictological and sociological context of the problem. The author substantiates the necessity of changing the legal foundations of state policy in the field of trafficking in self-defense weapons and gives appropriate proposals.

Keywords: weapons; arms trafficking; state policy; public order; public safety; gunshot wounds; murder; suicide; implementation of the right; restriction of the right; crime.

Cite as: Shmidt AA. Legal Foundations of State Policy on Self-Defense Weapons: In Quest of a Balance between Public and Private Interests. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(10):45-57. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.167.10.045-057

Федеральным законом от 28.12.2010 № 398-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления контроля в сфере оборота гражданского оружия»¹ в законодательство внесены дополнения, существенно изменившие государственную политику

в сфере оборота гражданского оружия. Законом легализовано короткоствольное и бесствольное огнестрельное оружие ограниченного поражения (ОООП), называемое в непрофессиональной среде «травматическим». Изменив отношение государства и общества к институту самообороны, закон отражает трансформацию подходов

¹ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 10.

к обеспечению правопорядка и тренд на приватизацию правоохранительной сферы.

Впервые право использовать оружие в целях самообороны на законодательном уровне было закреплено Законом РФ от 20.05.1993 № 4992-1 «Об оружии»², в ст. 5 которого выделена особая категория гражданского оружия — газовое оружие самообороны. Однако в правовой литературе Закон встретил критику, не удовлетворив ожиданий граждан относительно расширения права на вооруженную самооборону³.

Новый Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии»⁴, закрепив в преамбуле право на самооборону, по замечанию авторов законопроекта, «расширяет виды оружия самообороны, не представляющего повышенной опасности для использования гражданами, а также права граждан Российской Федерации на приобретение такого вида оружия. Наряду с газовыми пистолетами и револьверами, в целях самообороны гражданами могут приобретаться огнестрельное гладкоствольное оружие самообороны, огнестрельное бесствольное оружие самообороны... В прежнем законе не было таких записей»⁵.

Важно отметить, что вопросы самообороны и используемого в целях самообороны оружия вызывали самую острую дискуссию на парламентских площадках. Ответственный комитет Государственной Думы ФС РФ «для обсуждения поступивших предложений... собирался четырежды. Много было споров, здесь действительно налицо столкновение различных интересов как

производителей оружия, так и лиц, занимающихся торговлей им, и пользователей оружия. Всего поступило 333 поправки... ни по одному законопроекту такого количества поправок не поступало»⁶. При этом парламентом была дана трезвая оценка состояния общеуголовной и вооруженной преступности. На фоне совершения «25 тысяч преступлений с использованием огнестрельного оружия... лозунг, который в 1992 г. был принят на вооружение и пропагандировался, что, мол, вооружим всех — больше безопасности, оказался фикцией»⁷.

Принятый в 1996 г. Федеральный закон «Об оружии» не содержал положений, позволяющих гражданам приобретать и использовать в целях самообороны короткоствольное нарезное оружие, такое как, например, пистолет Макарова или пистолет ТТ. Однако законодательные инициативы о легализации короткоствольного оружия в целях самообороны предпринимались достаточно часто. В. И. Сургутсков, анализируя законопроектную работу, отмечает не менее шести законодательных инициатив о легализации короткоствольного оружия: в 1999, 2003, 2005, 2012 гг. и дважды в 2013 г.⁸ При этом предложения легализовать короткоствольное нарезное оружие в отдельных законопроектах происходили латентно: в тексте поправок и сопроводительной документации использовались понятия «огнестрельное оружие самообороны», «недлиноствольное» оружие⁹, подразумевающие боевые пистолеты и револьверы.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 860 (утратил силу).

³ См.: Потапов А. И. Российский Закон об оружии // Российский юридический журнал. 1994. № 2 (4). С. 14–15.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

⁵ Стенограмма заседания ГД РФ (Москва, 16 февраля 1996 г.) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700348-2> (дата обращения: 24.10.2023).

⁶ Стенограмма заседания ГД РФ (Москва, 7 июня 1996 г.) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700348-2> (дата обращения: 24.10.2023).

⁷ Стенограмма заседания ГД РФ (Москва, 7 июня 1996 г.).

⁸ См.: Сургутсков В. И. Право граждан России на хранение и ношение отдельных образцов летального оружия в целях самообороны (приглашение к дискуссии) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 31–32.

⁹ Проект федерального закона № 282023-6 «О внесении изменений в статьи 3 и 13 Федерального закона «Об оружии»» (по вопросу уточнения понятия оружие самообороны) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/282023-6> (дата обращения: 24.10.2023).

Определенным компромиссом в дискуссии о расширении права активной вооруженной самообороны стало акцептирование отечественной правовой системой концепции нелетального оружия, первые образцы которого появились в середине 1990-х гг. после принятия первого Закона «Об оружии». С принятием Федерального закона от 28.12.2010 № 398-ФЗ в России было легализовано ООП — короткоствольное и бесствольное оружие с патроном травматического действия, не предназначенным для причинения смерти человеку.

Легализация ООП в качестве оружия самообороны стала реализацией концепции нелетального оружия, получившей развитие в международной практике.

Данная концепция появилась в западных странах после Второй мировой войны, объединив разнообразные системы вооружения, среди которых особый класс представляет нелетальное кинетическое оружие. В качестве поражающего элемента такого оружия используется снаряд из пластика или резины. Переход нелетального оружия из военной в правоохранительную сферу происходил поэтапно. В 1960-е гг. массовые акты гражданского неповиновения, захлестнувшие США, стали триггером разрабатываемой доктрины бесконтактной войны с применением раздражающих веществ, а в 1970-е в Соединенном Королевстве сформировалась практика применения резиновых пуль в конфликте с Ирландской республиканской армией.

США стали родиной и одним из крупнейших разработчиков нелетальных технологий, введя в оборот этот термин в конце 1990-х гг. Основная цель нелетального оружия, которое регулярно используется в оружейных программах, — не

убить, а нейтрализовать цель¹⁰. Однако, по меткому замечанию Дж. Александера, нелетальное оружие имеет «очень смертельные корни»¹¹.

В отечественной правоохранительной системе концепция нелетального оружия прошла свой путь развития. С 1960-х гг. началась разработка специальных средств (средств активной обороны сотрудников милиции) с целью минимизации вреда здоровью¹². Исследования проводились на фоне массовых антимилицейских выступлений, прокатившихся в 1961–1962 гг. по ряду городов: Бийск, Муром, Краснодар, Новочеркасск, где «толпа громила отделения милиции и избивала затерроризированных критиков с высоких трибун сотрудников милиции, которые, не имея на вооружении ничего, кроме табельного оружия, применять его в такой обстановке не решались»¹³.

Использование категории «нелетальное оружие» несвойственно отечественной науке полицейского права. Традиционно в отечественном полицейском праве используется категория «специальные средства», включающая в себя резиновые пули ударного непроникающего действия. Действующее законодательство разрешает применять служебное ООП во всех случаях разрешенного применения огнестрельного оружия и специальных средств в соответствии с ч. 4 ст. 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»¹⁴. К такому оружию относятся служебные пистолеты и карабины, применяемые с резиновой пулей.

Ретроспективный анализ правотворческой работы в отношении оружия самообороны, а также результаты внедрения нелетального кинетического оружия в правоохранительную деятельность позволяют сделать вывод, что

¹⁰ См.: Hoffberger E. Non-Lethal Weapons: The Principle of Proportionality in Armed Conflict and the Right to Health in Law Enforcement // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. 2017. Vol. 38. No. 2. P. 831–853. DOI: 10.30925/zpfsr.38.2.6.

¹¹ См.: Alexander J. Future War: Non-Lethal Weapons in Modern Warfare. New York : St. Martin's Press, 1999. P. 13.

¹² См.: Молянов А. Ю., Семькин В. В. Специальные средства органов внутренних дел или оружие нелетального действия // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 291.

¹³ Дорохов В. Ж. Специальные средства советской милиции: выученный урок (1962–1973 гг.) // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 3 (35). С. 19.

¹⁴ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

идея использования несмертельного оружия, зародившаяся в военном деле, получила распространение в правоохранительной сфере.

Миграция ООП в правоохранительную сферу, как представляется, связана с так называемой приватизацией правоохранительной сферы, под которой понимается передача отдельных публичных функций государства частным субъектам¹⁵. Согласно более мягкой трактовке О. И. Бекетова, «реализуя принципы взаимодействия и сотрудничества, общественного доверия и поддержки граждан, полиция стремится делегировать часть своих полномочий негосударственным субъектам правоохранительной направленности»¹⁶.

Д. Г. Шустров рассматривает приватизацию или делегирование, сопровождаемое передачей отдельных властных полномочий, как «проявление демократичного характера государства, ограничение вмешательства государства в определенные виды деятельности, прекращение избыточного государственного регламентирования»¹⁷.

Как представляется, такой позитивный окрас передачи публичных функций негосударственным субъектам не всегда оправдан. В отечественной истории государственного строительства уже были неудачные примеры передачи некоторых государственных функций. В первые годы Советского государства в ходе реформирования системы правоохранительных органов была предпринята попытка передать функции охраны правопорядка «сознательным гражданам». Концепция «всеобщего вооруже-

ния народа была изложена еще Ф. Энгельсом и К. Марксом в программе Союза коммунистов в начале революции в Германии в 1848 году»¹⁸.

Идея о «всеобщем вооружении народа», которое повлечет за собой полное уничтожение преступности, показала свою несостоятельность. Всё завершилось всеобщим запретом оборота оружия, за исключением лиц, которым оно передано по роду службы¹⁹.

Примечательно, что реорганизация правоохранительной функции государства происходила в кризисных условиях на фоне социальных потрясений и постоянно ухудшающейся криминогенной ситуации. Наиболее значимые изменения в рассматриваемой сфере связаны с социально-экономическими потрясениями XX столетия. Следствием Первой мировой и Гражданской войн стали большое количество скопившегося у населения оружия, его доступность и широкое распространение. В стране отмечался небывалый рост преступности, которому способствовали две большие амнистии в марте 1917 г. Криминогенная ситуация потребовала запрета оборота оружия и формирования системы его выкупа у населения.

Новая череда социальных потрясений и смена государственного строя в 1991 г. привели к росту преступности. «Статистические данные свидетельствуют о начале роста преступности уже с 1988 г., когда начались необратимые процессы по смене государственного строя и дальнейшей демократизации в политической и экономической жизни страны, сопровождавшиеся,

¹⁵ См.: Кононов А. М., Эриашвили Н. Д. К вопросу о возможности приватизации функции публичной власти в сфере внутренних дел // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2020. № 2. С. 31. DOI: 10.24411/2073-3305-2020-10058.

¹⁶ Бекетов О. И., Сургутсков В. И. *Полицейское право России: прошлое, настоящее и будущее* // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 8 (69). С. 63. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.059-067.

¹⁷ Шустров Д. Г. *Разделение властей как проблема теории и практики государственной организации России в практике российского конституционного правосудия* // *Современные проблемы организации публичной власти: монография* / отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. С. 385.

¹⁸ Викторов А. В., Федоров А. Б. «Всеобщее вооружение народа»: социал-демократическая идея и революционная практика (1917–1918 годы) // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2021. № 4. С. 78. DOI: 10.24412/2309-1592-2021-4-78-87.

¹⁹ См.: Декрет СНК РСФСР от 10.12.1918 «О сдаче оружия» // *СУ РСФСР*. 1918. № 93. Ст. 933; Декрет СНК РСФСР от 12.07.1920 «О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним» // *СУ РСФСР*. 1920. № 69. Ст. 314.

пожалуй, самым сильным ростом преступности за всю историю советского государства»²⁰.

Период относительного улучшения криминогенной обстановки с 1994 по 1997 гг. сменился ухудшением после кризиса в 1998 г. Существенные изменения претерпела струк-

тура преступности. Сравнение преступности 1990 г. и 2000 г. показывает рост числа убийств (+104 %), грабежей (+58 %), разбоев (+139 %), хулиганств (+16 %) и 14-кратный рост преступлений, связанных с оборотом наркотиков (табл. 1).

Таблица 1

Динамика и виды преступлений, зарегистрированных в 1990–2020 гг. (тыс.)

Виды преступлений	1990	2000	2010	2020
Зарегистрировано преступлений	1 839,5	2 952,4	2 628,8	2 044,2
Убийства	15,6	31,8	15,6	7,7
Грабежи	83,3	132	164,5	38,4
Разбои	16,5	39,4	24,5	5,3
Хулиганство	107,4	125	7,2	1,8
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств	16,3	244	222,6	189,9

Правовая система оказалась «совершенно не готова противостоять преступности, и это, вместе с изменением морально-нравственных норм, стало одной из главных причин нарастания криминальной волны, захлестнувшей общество в конце 1980-х гг.»²¹ и продолжавшей только нарастать в 1990-х гг.

Анализ динамики отдельных категорий преступлений, приведенных в таблице 1, искушает найти корреляцию между снижением количества убийств с внесением в 2010 г. изменений в законодательство об оружии, легализовавших ООП, быстро получившего популярность. Вопреки распространенному мнению, «бóльшая часть убийств все-таки связана не с криминальными группировками, бизнесом или политикой, а является результатом вспышки агрессии в семье и обычной жизни. Напряженность отношений усугубляется злоупотреблением алкоголем. В условиях устойчивого экономического

роста уровень насильственных преступлений сокращается»²².

Оружие самообороны рассчитано в первую очередь на защиту от преступных посягательств в общественных местах. По мнению сторонников легализации короткоствольного оружия, «девять из десяти нападений происходят вне дома, а значит, на улице люди фактически остаются беззащитными. Получается, что ныне действующий Закон “Об оружии” в значительном числе случаев лишает гражданина права на реальную самозащиту»²³. Однако обеспечение правопорядка в общественных местах «зависит от самых разнообразных факторов: социальных, экономических, политических, организационных, правовых, управленческих и др. Противодействие преступности в общественных местах немислимо без использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем»²⁴, таких как АПК

²⁰ Андриенко Ю. В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. 2001. Т. 5. № 2. С. 197.

²¹ Андриенко Ю. В. Указ. соч. С. 197.

²² Андриенко Ю. В. Указ. соч. С. 197.

²³ Панов С. Л. Легализации короткоствольного огнестрельного оружия: «за» и «против» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 1 (23). С. 33.

²⁴ Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Шиян В. И. Состояние и тенденции преступности в общественных местах // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 896. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).895-908.

«Безопасный город». Отечественная концепция «безопасного города» является близкой по архитектуре и воплощению к зарубежным концепциям «умного города», более-менее успешно внедряемым сегодня в США и Европе²⁵, а также к более масштабной концепции «благополучного и безопасного» (平安城市) города, учитывающей социальный рейтинг граждан КНР²⁶.

С разработкой и внедрением в гражданский оборот первых образцов нелетального оружия в литературе стали появляться работы по судебной медицине, которые также выступают важным источником при исследовании вопросов развития государственной политики в сфере оборота оружия. Среди множества исследований особого внимания заслуживают труды, демонстрирующие корреляцию вида применяемого оружия, мотива и способа его применения, морфологии (характера) огнестрельного ранения и влияния на смертность.

Несколькими группами исследователей бюро судебно-медицинских экспертиз ретроспективно проанализированы сведения о пострадавших с огнестрельными ранениями из различных видов оружия в 2010–2014 гг.²⁷ и 2016–2018 гг.²⁸ Как показало исследование 517 материалов судебно-медицинских экспертиз в условиях крупного города, в этиологии огнестрельных ранений доля ООП составляет от 59 до 84 % в разное время. Как представляется, такие показатели свидетельствуют о значительной проблеме в сфере общественного здравоохранения.

В целях настоящего исследования особый интерес вызывают мотивы применения нелетального оружия: 27 % (20 из 74) — суицид; 34,3 % (12 из 35) — нападение с целью убийства; 93,3 % (28 из 30) — нападение с целью завладения имуществом; 95,5 % (63 из 66) — нападение из хулиганских побуждений; 50 % (1 из 2) — самооборона (табл. 2).

Таблица 2

Этиология огнестрельных ранений²⁹

Мотивы применения оружия	Огнестрельное оружие	Из них ООП	
		абс.	%
Суицид	74	20	27
Убийство (покушение на убийство)	35	12	34,3
Разбой	30	28	93,3
Хулиганство	66	63	95,5
Неосторожное обращение	7	4	57,1
Применение сотрудником полиции	6	3	50
Самооборона	2	1	50
Итого	220	131	59,6

²⁵ См.: Колеганов С. В., Кувшинов Д. Л., Пигина С. В., Федотов А. В., Щедров И. Ю. «Безопасный город» в регионах мира: сравнительный анализ с российской концепцией // Технологии гражданской безопасности. 2021. Т. 18. № 3 (69). С. 56–60. DOI: 10.54234/CST.19968493.2021.18.3.69.11.55.

²⁶ См.: Jiang M. A Brief Prehistory of China's Social Credit System // Communication and the Public. 2020. Vol. 5. No. 3–4. P. 93–98. DOI: 10.1177/2057047320959856.

²⁷ См.: Бадалов В. И., Жуманазаров Б. Я., Озерецковский Л. Б., Гребнёв Д. Г., Головкин К. П., Самохвалов И. М. Особенности современных огнестрельных ранений мирного времени в условиях крупного города // Скорая медицинская помощь. 2016. Т. 17. № 2. С. 49–56.

²⁸ См.: Трухан А. П., Самохвалов И. М., Исаков В. Д., Яковенко О. О., Кураев П. И. Особенности этиологии и характеристики современных огнестрельных ранений мирного времени // Вятский медицинский вестник. 2020. № 4 (68). С. 38–41. DOI: 10.24411/2220-7880-2020-10127.

²⁹ Представлены данные 220 судебно-медицинских экспертиз пострадавших с огнестрельными ранениями, проведенных в г. Санкт-Петербурге в 2016–2018 гг. См.: Трухан А. П., Самохвалов И. М., Исаков В. Д., Яковенко О. О., Кураев П. И. Указ. соч. С. 39.

Исследования в области общественного здравоохранения направлены на изучение факторов танатогенеза — процесса и причин летальности. Очевидно, что летальность определяется тяжестью повреждений, которая должна зависеть от вида применяемого оружия и законодательных ограничений к его кинетической энергии. В соответствии с действующим Федеральным законом «Об оружии» дульная энергия при выстреле из гражданского ООП не должна превышать 91 Дж. В действительности критериями выступают «проникающая способность (пробивное действие) — способность пули проникать сквозь преграду; останавливающее действие (останавливающая способность) — характеристика пули, определяющая усредненную степень потери противником способности к совершению враждебных действий после попадания в него пули; убийное действие пули — характеристика пули, описывающая вероятность причинения смерти при попадании в живую цель. Останавливающее действие — наиболее показательный критерий, который можно применить для сравнительной оценки эффективности травматического оружия»³⁰, которая во многом определяется дистанцией выстрела и областью тела, в которую производится выстрел. По результатам изучения случаев применения оружия самообороны описана «общенная модель криминалистической ситуации: потерпевшие в ходе возникшего конфликта неадекватно воспринимают опасность и часто сами провоцируют конфликт, сокращая дистанцию; обороняющийся в нестандартно развивающейся ситуации испытывает дефицит времени на принятие решения и производит выстрел с близкого расстояния в наиболее уязвимые области тела (голову и шею)»³¹.

Исследование летальных случаев применения ООП констатирует, что в основном ранение наносится в упор (82,3 %) или с ближнего расстояния (12,7 %) и только в 5,0 % — с дальнего расстояния³². Такие результаты показывают, что ООП по тяжести повреждения не уступает остальным видам огнестрельного оружия при намерении нанести летальную травму.

Приобретение и ношение оружия, активная самооборона с его применением и разрешенные виды оружия самообороны долгое время выступают предметом общественной дискуссии. В отечественной социологии не так много тем, которые становились объектом объемных социологических исследований. Среди наиболее значимых исследований стоит отметить опросы по общенациональной репрезентативной выборке, проведенные исследовательской группой «Циркон»³³. Социологические наблюдения на протяжении более трех лет показали, что значимое большинство россиян негативно относится к легализации лицензируемого приобретения законопослушными и здоровыми людьми в целях самообороны короткоствольного оружия. С марта 2010 г. по сентябрь 2012 г. опросы фиксировали слабый тренд общественного мнения в сторону одобрения легализации. Максимальный рост доли респондентов, одобряющих легализацию, с 14 до 22 %, был зафиксирован осенью 2012 г. Однако в дальнейшем опросы продемонстрировали снижение показателя до 18 %.

Негативное отношение к легализации короткоствольного и распространению «травматического оружия» основано на фундаментально укорененных культурных традициях и стереотипах: россияне в большинстве против массового «вооружения», т.к. рассматривают его как

³⁰ Клевно В. А., Раснюк С. В., Владимиров В. Ю. Огнестрельное оружие ограниченного поражения: судебно-медицинские и психологические аспекты, понятие относительного психологического останавливающего действия // Судебная медицина. 2019. № 5 (2). С. 17. DOI: 10.19048/2411-8729-2019-5-2-16-20.

³¹ См.: Клевно В. А., Раснюк С. В., Владимиров В. Ю. Указ. соч. С. 18.

³² См. подробнее: Трухан А. П., Самохвалов И. М., Исаков В. Д., Яковенко О. О., Кураев П. И. Указ. соч. С. 38.

³³ Пресс-релизы ИГ «Циркон»: 20 апреля 2010 г. // URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/937/100420.pdf>; 25 октября 2011 г. // URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/f08/Oruzhie_PR_25-10-2011.pdf; 16 октября 2012 г. // URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/288/PR_Oruzhie_16-10-12.pdf; 8 ноября 2013 г. // URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/8d5/Oruzhie_PR_08-11-2013.pdf (дата обращения: 24.10.2023).

фактор, повышающий угрозу, а не снижающий риски (т.е. безопасность для большинства скорее уменьшается). Колебания мнения респондентов могут быть вызваны информационным воздействием в свете обсуждения и принятия Федерального закона от 28.12.2010 № 398-ФЗ, легализовавшего ООП в качестве оружия самообороны. Дальнейший спад интереса к приобретению оружия самообороны, как представляется, обусловлен общественной реакцией на освещение в СМИ некоторых произошедших в стране событий, демонстрирующих негативные последствия использования огнестрельного оружия, находящегося в руках населения, в том числе массовых расстрелов в Москве («русский Брейвик», 7 ноября 2012 г.), в Белгороде («белгородский стрелок», 22 апреля 2013 г.), а также инциденты в других странах. Это могло вызвать обратный тренд и снижение поддержки «вооружения» населения.

Другое крупное социологическое исследование, посвященное определению ценностных ориентаций в современном российском обществе, подтверждает, что на первом месте по значимости для респондентов оказываются именно базовые ценности (здоровье, личная безопасность, материальный достаток)³⁴. Несмотря на колоссальную фрагментированность общества и самые замысловатые комбинации ценностных установок, социокультурных и политических позиций, отношение по целому ряду социальных практик выражается консенсуально, в том числе по вопросам оборота гражданского оружия. Исследование базовых ценностей в динамике в 2018–2021 гг. показало изменения в пределах статистической погрешности. В целом 73 % респондентов считали необходимым запретить «свободную продажу и ношение оружия»; 18 % — разрешить в исключительных

случаях; 5 % — разрешить и 4 % затруднились с ответом³⁵.

Социально-демографическая дифференциация положительного отношения к оружию самообороны показывает³⁶, что позиция респондентов коррелирует с возрастом (молодежь), полом (мужчины), а также опытом обращения с оружием (военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, охотники и т.п.). Такие результаты подтверждает собственное исследование автора настоящей статьи. Социально-демографический анализ владельцев оружия в рандомно определенном субъекте Российской Федерации Урало-Сибирского региона показал, что среди владельцев ООП 97,27 % мужчин, средний возраст которых 44 года, преимущественно проживающих в городской среде относительно крупных муниципальных образований (70,28 %). Участие в опросе автора 457 претендентов на получение лицензии на приобретение оружия, впервые приобретающих оружие самообороны, позволило выделить основные мотивы приобретения оружия, которые, как оказалось, отличаются от целей самообороны. Большинство лиц, впервые приобретающих оружие, признают, что приобретают охотничье оружие не в целях добычи продуктов животного мира, воспринимая охоту скорее как часть корпоративной культуры, а ООП приобретается преимущественно из «спортивного» интереса «пострелять из пистолета». Полученные результаты частично объясняют тот факт, что значительная часть (до 70 %) утрат короткоствольного оружия самообороны, предназначенного для защиты в городской среде, происходит в местах активного отдыха в лесу или на водоеме.

Многолетние социологические наблюдения не выявили корреляции отношения граждан к

³⁴ См.: Задорин И. В., Зотова В. А., Хомякова А. П. Ценностные ориентации россиян в условиях фрагментированного общества // Неформальная экономика и общественное доверие в России : материалы круглого стола. Москва, Государственная Дума РФ, 6 июня 2019 г. М., 2020. С. 66–78.

³⁵ Результаты опроса населения «Восприятие традиционности и политической традиции в массовой политической культуре современной России». М. : Циркон, 2021. С. 17. URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/4c5/vospriyatie-traditsionnosti-i-politicheskoy-traditsii.pdf?sphrase_id=31384 (дата обращения: 24.10.2023).

³⁶ Пресс-релиз ИГ «Циркон», 8 ноября 2013 г. // URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/8d5/Oruzhie_PR_08-11-2013.pdf (дата обращения: 24.10.2023).

оружию самообороны в зависимости от уровня преступности.

Показательны еще несколько примеров из ряда соседних стран. Ментально и культурно близкие ориентиры в общественном сознании россиян и белорусов предопределили сходное отношение к вопросам гражданского оружия самообороны. В Белоруссии в качестве оружия самообороны короткоствольное оружие или ООП не предусмотрено, его ввоз запрещен. В Республике Казахстан пятилетний опыт использования ООП в целях самообороны признан неудачным и в 2014 г. его оборот был запрещен³⁷.

Еще один аспект, который не является правовым в полном смысле этого слова, но без учета которого картина будет неполной. В 1990-е и 2000-е гг., когда принимались решения об «огражданении» боевого оружия для целей гражданской самообороны, одним из значимых факторов, повлиявших на легализацию и распространение оружия самообороны, по признанию авторов поправок к законодательству об оружии³⁸, выступала экономическая составляющая. Дело в том, что производство оружия самообороны не является производством в собственном смысле. Речь скорее идет о доработке конструкции имеющихся в наличии моделей ПМ и ТТ путем деформации канала ствола или установки «шипа», которые позволяют прохождение в канале ствола оружия только деформируемой «травматической» пули. Доля такого «доработанного» оружия среди зарегистрированного составляет более половины по отношению к оригинальным (вновь разработанным) моделям. Популярность указанных моделей ООП обусловлена, кроме всего прочего, их аутентичностью. Решение о легализации короткоствольного, в том числе «травматического», оружия является в значительной степени поддержкой оружейной промышленности, производственные мощности которой в настоящее время заняты.

В условиях затянувшейся дискуссии о праве граждан на хранение и ношение короткостволь-

ного летального и нелетального оружия в целях самообороны в текущей ситуации, с учетом накопленного правового и эмпирического материала, систематизированного в настоящем исследовании, представляется своевременным изменить концепцию государственной политики в отношении ООП, существенно ограничив его оборот.

В пользу отказа от гражданского оборота короткоствольного оружия свидетельствуют данные о состоянии правопорядка в общественных местах; противоправные мотивы применения короткоствольного оружия, не связанные с самообороной; чрезмерный вред здоровью, причиняемый ООП, и, главное, восприятие в общественном сознании короткоствольного оружия в качестве источника опасности.

Коррекция отечественной концепции государственной политики в отношении огнестрельного оружия ограниченного поражения может быть сведена к тотальному запрету, как, например, в Республике Казахстан или Республике Беларусь, путем дополнения ст. 6 Федерального закона «Об оружии» административно-правовым запретом на оборот ООП в качестве гражданского оружия.

Впрочем, полный и одномоментный запрет короткоствольного оружия самообороны вряд ли будет способствовать достижению баланса публичных и частных интересов. Представляется, что правовые основы государственной политики в отношении оружия самообороны подлежат оптимизации путем развития административного законодательства об оружии: стимулирования региональных программ обратного выкупа оружия, в том числе легально приобретенного ООП; сокращения с пяти лет до одного года периодичности медицинских обследований на наличие противопоказаний к владению оружием (ст. 6.1 Федерального закона «Об оружии») и проверок знания правил и навыков применения оружия самообороны (ст. 13 Закона).

³⁷ Закон Республики Казахстан от 23.04.2014 № 200-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам деятельности органов внутренних дел» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 8 (2657). Ст. 49.

³⁸ Стенограмма заседания ГД РФ (Москва, 7 июня 1996 г.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андриенко Ю. В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. — 2001. — № 2. — С. 194–217.
2. Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Шиян В. И. Состояние и тенденции преступности в общественных местах // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 6. — С. 895–908. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).895-908.
3. Бадалов В. И., Жуманазаров Б. Я., Озерецковский Л. Б., Гребнёв Д. Г., Головкин К. П., Самохвалов И. М. Особенности современных огнестрельных ранений мирного времени в условиях крупного города // Скорая медицинская помощь. — 2016. — Т. 17. — № 2. — С. 49–56.
4. Бекетов О. И., Сургутсков В. И. Полицейское право России: прошлое, настоящее и будущее // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 8 (69). — С. 59–67. — DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.059-067.
5. Викторов А. В., Федоров А. Б. «Всеобщее вооружение народа»: социал-демократическая идея и революционная практика (1917–1918 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2021. — № 4. — С. 78–87. — DOI: 10.24412/2309-1592-2021-4-78-87.
6. Дорохов В. Ж. Специальные средства советской милиции: выученный урок (1962–1973 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 3 (86). — С. 16–21.
7. Задорин И. В., Зотова В. А., Хомякова А. П. Ценностные ориентации россиян в условиях фрагментированного общества // Неформальная экономика и общественное доверие в России : материалы круглого стола. Москва, Государственная Дума РФ, 6 июня 2019 г. — М., 2020. — С. 66–78.
8. Клевно В. А., Раснюк С. В., Владимиров В. Ю. Огнестрельное оружие ограниченного поражения: судебно-медицинские и психологические аспекты, понятие относительного психологического останавливающего действия // Судебная медицина. — 2019. — № 5 (2). — С. 16–20. — DOI: 10.19048/2411-8729-2019-5-2-16-20.
9. Колеганов С. В., Кувшинов Д. Л., Пигина С. В., Федотов А. В., Щедров И. Ю. «Безопасный город» в регионах мира: сравнительный анализ с российской концепцией // Технологии гражданской безопасности. — 2021. — Т. 18. — № 3 (69). — С. 56–60. — DOI: 10.54234/CST.19968493.2021.18.3.69.11.55.
10. Кононов А. М., Эриашвили Н. Д. К вопросу о возможности приватизации функции публичной власти в сфере внутренних дел // Образование. Наука. Научные кадры. — 2020. — № 2. — С. 30–37. — DOI: 10.24411/2073-3305-2020-10058.
11. Молянов А. Ю., Семькин В. В. Специальные средства органов внутренних дел или оружие нелетального действия // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 6. — С. 289–292.
12. Панов С. Л. Легализации короткоствольного огнестрельного оружия: «за» и «против» // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2006. — № 1 (23). — С. 32–35.
13. Потапов А. И. Российский Закон об оружии // Российский юридический журнал. — 1994. — № 2 (4). — С. 12–16.
14. Сургутсков В. И. Право граждан России на хранение и ношение отдельных образцов летального оружия в целях самообороны (приглашение к дискуссии) // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2017. — № 4 (42). — С. 29–36.
15. Трухан А. П., Самохвалов И. М., Исаков В. Д., Яковенко О. О., Кураев П. И. Особенности этиологии и характеристики современных огнестрельных ранений мирного времени // Вятский медицинский вестник. — 2020. — № 4 (68). — С. 38–41. — DOI: 10.24411/2220-7880-2020-10127.
16. Шустров Д. Г. Разделение властей как проблема теории и практики государственной организации России в практике российского конституционного правосудия // Современные проблемы организации публичной власти : монография / отв. ред. С. А. Авакьян. — М. : Юстицинформ, 2014. — 596 с.
17. Alexander J. Future War: Non-Lethal Weapons in Modern Warfare. — New York : St. Martin's Press, 1999. — 256 p.

18. Hoffberger E. Non-Lethal Weapons: The Principle of Proportionality in Armed Conflict and the Right to Health in Law Enforcement // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. — 2017. — Vol. 38. — No. 2. — DOI: 10.30925/zpfsr.38.2.6.
19. Jiang M. A Brief Prehistory of China's Social Credit System // Communication and the Public. — 2020. — Vol. 5. — No. 3–4. — P. 93–98. — DOI: 10.1177/2057047320959856.

Материал поступил в редакцию 9 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andrienko Yu. V. V poiskakh obyasneniya rosta prestupnosti v Rossii v perekhodnyy period: kriminometricheskyy podkhod // Ekonomicheskiy zhurnal VShE. — 2001. — № 2. — S. 194–217.
2. Afanaseva O. R., Goncharova M. V., Shiyan V. I. Sostoyanie i tendentsii prestupnosti v obshchestvennykh mestakh // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2019. — T. 13. — № 6. — S. 895–908. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).895-908.
3. Badalov V. I., Zhumanazarov B. Ya., Ozeretskovskiy L. B., Grebnev D. G., Golovko K. P., Samokhvalov I. M. Osobennosti sovremennykh ognestrelnykh raneniy mirnogo vremeni v usloviyakh krupnogo goroda // Skoraya meditsinskaya pomoshch. — 2016. — T. 17. — № 2. — S. 49–56.
4. Beketov O. I., Surgutskov V. I. Politseyskoe pravo Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 8 (69). — S. 59–67. — DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.059-067.
5. Viktorov A. V., Fedorov A. B. «Vseobshchee vooruzhenie naroda»: sotsial-demokraticeskaya ideya i revolyutsionnaya praktika (1917–1918 gody) // Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs. — 2021. — № 4. — S. 78–87. — DOI: 10.24412/2309-1592-2021-4-78-87.
6. Dorokhov V. Zh. Spetsialnye sredstva sovetskoj militsii: vyuchenny urok (1962–1973 gg.) // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2018. — № 3 (86). — S. 16–21.
7. Zadorin I. V., Zotova V. A., Khomyakova A. P. Tsennostnye orientatsii rossiyan v usloviyakh fragmentirovannogo obshchestva // Neformalnaya ekonomika i obshchestvennoe doverie v Rossii: materialy kruglogo stola. Moskva, Gosudarstvennaya Duma RF, 6 iyunya 2019 g. — M., 2020. — S. 66–78.
8. Klevno V. A., Rasnyuk S. V., Vladimirov V. Yu. Ognestrelnoe oruzhie ogranichenogo porazheniya: sudebno-meditsinskie i psikhologicheskie aspekty, ponyatie otnositelnogo psikhologicheskogo ostanavlivayushchego deystviya // Sudebnaya meditsina. — 2019. — № 5 (2). — S. 16–20. — DOI: 10.19048/2411-8729-2019-5-2-16-20.
9. Koleganov S. V., Kuvshinov D. L., Pigina S. V., Fedotov A. V., Shchedrov I. Yu. «Bezopasnyy gorod» v regionakh mira: sravnitelnyy analiz s rossiyskoy kontseptsiei // Tekhnologii grazhdanskoj bezopasnosti. — 2021. — T. 18. — № 3 (69). — S. 56–60. — DOI: 10.54234/CST.19968493.2021.18.3.69.11.55.
10. Kononov A. M., Eriashvili N. D. K voprosu o vozmozhnosti privatizatsii funktsii publichnoy vlasti v sfere vnutrennikh del // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. — 2020. — № 2. — S. 30–37. — DOI: 10.24411/2073-3305-2020-10058.
11. Molyanov A. Yu., Semykin V. V. Spetsialnye sredstva organov vnutrennikh del ili oruzhie neletalnogo deystviya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2011. — № 6. — S. 289–292.
12. Panov S. L. Legalizatsii korotkostvolnogo ognestrelnogo oruzhiya: «za» i «protiv» // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. — 2006. — № 1 (23). — S. 32–35.
13. Potapov A. I. Rossiyskiy Zakon ob oruzhii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 1994. — № 2 (4). — S. 12–16.
14. Surgutskov V. I. Pravo grazhdan Rossii na khranenie i noshenie otdelnykh obraztsov letalnogo oruzhiya v tselyakh samooborony (priglasenie k diskussii) // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. — 2017. — № 4 (42). — S. 29–36.

15. Trukhan A. P., Samokhvalov I. M., Isakov V. D., Yakovenko O. O., Kuraev P. I. Osobennosti etiologii i kharakteristiki sovremennykh ognestrelnykh raneniy mirnogo vremeni // Vyatskiy meditsinskiy vestnik. — 2020. — № 4 (68). — S. 38–41. — DOI: 10.24411/2220-7880-2020-10127.
16. Shustrov D. G. Razdelenie vlastey kak problema teorii i praktiki gosudarstvennoy organizatsii Rossii v praktike rossiyskogo konstitutsionnogo pravosudiya // Sovremennye problemy organizatsii publichnoy vlasti: monografiya / otv. red. S. A. Avakyan. — M.: Yustitsinform, 2014. — 596 s.
17. Alexander J. Future War: Non-Lethal Weapons in Modern Warfare. — New York: St. Martin's Press, 1999. — 256 p.
18. Hoffberger E. Non-Lethal Weapons: The Principle of Proportionality in Armed Conflict and the Right to Health in Law Enforcement // Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci. — 2017. — Vol. 38. — No. 2. — DOI: 10.30925/zpfsr.38.2.6.
19. Jiang M. A Brief Prehistory of China's Social Credit System // Communication and the Public. — 2020. — Vol. 5. — No. 3–4. — P. 93–98. — DOI: 10.1177/2057047320959856.